
Научная статья
УДК 94 (470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-15-29

1822 г. В МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИЛЕММАХ КАБАРДИНСКОЙ ЗНАТИ: ФАКТОРЫ, МОТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2022

Аннотация. В настоящей работе внимание сосредоточено на одном аспекте событийной канвы, определявшей исторический облик сложных перипетий, имевших место в Кабарде в 1822 г. С самого начала российско-черкесского противостояния в 60-х гг. XVIII в. центральная (географически и символически) часть Кабарды периодически оказывалась в зоне активных боевых действий. Но только в ходе военной кампании 1822 г. российское командование нацелилось на установление здесь своего устойчивого контроля. Такая решимость к радикальной смене актуального на тот момент политического режима вызвала деятельное сопротивление в Большой Кабарде. Однако, естественным образом, диапазон выбора способов реакции на ситуацию эскалирующего противостояния не ограничился только противодействием имперскому продвижению.

В этот период обнаружила себя когорта людей, подвизавшаяся на поприще активного и заинтересованного взаимодействия с имперской администрацией. В основном, базируясь на материалах отложенных в фондах российских архивов (РГВИА, УЦГА АС КБР) и опираясь на опубликованные источники, а также публикациях современных исследователей, в статье рассматриваются индивидуальные стратегии некоторых представителей кабардинского дворянства, сделавших экзистенциальный выбор в условиях военно-политического обострения 1822 г. В тексте отражены не только конкретные формы сотрудничества определенного контингента жителей Большой Кабарды с оперировавшими на ее территории российским войсками, но и модусы стигматизации и социальной изоляции, которым они подвергались на протяжении последующей жизни.

Ключевые слова: Кабарда, российское командование, военные действия, выбор, лазутчики, проводники, (про)вожатые, хаджреты.

Для цитирования: Алоев Т.Х. 1822 г. в морально-политических дилеммах кабардинской знати: факторы, мотивы и последствия // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 15–29. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-15-29

Original article

1822 IN THE MORAL AND POLITICAL DILEMMAS OF THE KABARDIAN NOBILITY: FACTORS, MOTIVES AND CONSEQUENCES

Timur H. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Н. Алоев, 2022

Abstract. In this work, attention is focused on one aspect of the event outline that determined the historical appearance of the complex ups and downs that took place in Kabarda in 1822. From the very beginning of the Russian-Circassian confrontation in the 60s. 18th century the central (geographically and symbolically) part of Kabarda periodically found itself in the zone of active hostilities. But only during the military campaign of 1822 did the Russian command set its sights on establishing its stable control here. Such a determination to radically change the current political regime at that time caused active resistance in Big Kabarda. However, naturally, the range of choice of ways to respond to the situation of escalating confrontation was not limited to countering the imperial advance. During this period, a cohort of people found themselves working in the field of active and interested interaction with the imperial administration. Basically, based on the materials deposited in the Russian archives (RGVIA, UTSGA AS KBR) and relying on published sources, as well as publications of modern researchers, the article discusses the individual strategies of some representatives of the Kabardian nobility who made an existential choice in the context of the military-political aggravation of 1822 d. The text reflects not only the specific forms of cooperation of a certain contingent of residents of Bolshaya Kabarda with the Russian troops operating on its territory, but also the modes of stigmatization and social exclusion to which they were subjected throughout their subsequent lives.

Keywords: Kabarda, Russian command, military operations, renegacy, scouts, guides, (escort) guides, hajrets

For citation: Alov T.H. 1822 in the moral and political dilemmas of the Kabardian nobility: factors, motives and consequences. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 15–29. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-15-29

Исключительный драматизм и чрезвычайная напряженность военного противостояния в ходе ермоловского наступления 1822 г. на Кабарду активировали разные модусы реакции жителей восточночеркесских княжеств на небывалые вызовы и угрозы. При этом они, как в политическом, так и в этическом плане могли не просто существенно различаться, но, зачастую представляли по отношению друг к другу антагонистичные альтернативы. Как известно (и, как это точно подметил Хан-Гирей) [Хан-Гирей. Записки... 1978: 160] «лучшие войны» переселились на кубанское левобережье, воплотив хаджретскую Альтернативу и задав моральную планку черкесского Спротивления на десятилетия вперед (заслужив в ассоциативном пространстве черкесской культуры крайне комплиментарную оценку «хъжрэтър жэнэтбзус» – «хаджрет – райская птичка») [Паштова 2014: 158]. Однако подобный выбор не стал привлекательным и не составил приемлемой жизненной траектории для большинства населения княжеств. Оставшиеся, так или иначе, вынуждены были проявлять ту или иную степень лояльности (получив нелицеприятную аттестацию «тгуащ|эдэсыр кхъуэсурэтс» – «междуреченец – свиноподобный») [Паштова 2014: 158]. Однако варианты выбора на этом не исчерпывались: определенная когорта людей не только уклонилась от импеданса, но и активно проявила себя на стезе деятельного пособничества агрессору. Именно, на последнем контингенте (впрочем, весьма малочисленном) актантов в этической трилемме 1822 г. здесь будет сосредоточено внимание.

К проблеме смены политической идентичности в связи с военно-политическими перипетиями 1822 г. довольно-таки давно исследователи проявляют устойчивый интерес. Здесь нельзя не упомянуть изыскания С.Н. Бейтуганова [Бейтуганов 1993: 101]. В них, в частности, впервые упомянуты некоторые из фигурантов настоящего исследования. Хотя описание жизненных траекторий этих персонажей представлено еще достаточно скупо (что, на тот период, вполне объяснимо) автор включив его в рубрику «...Всею душою предан России» артикулировал лейтмотив деятельности персонажей, помещенных в нее. Рефлексии и выводы Бейтуганова, сосредоточенные исключительно на кабардинских сюжетах весьма выгодно оттеняются при привлечении к анализу предмета настоящей инициативы работ с высоким уровнем концептуализации при осмыслении исторических реалий. Заметные шаги в этом направлении в последние годы продемонстрировал А.Т. Урушадзе.

Размышляя над глубинными факторами, предопределявшими зачастую успешное взаимодействие индигенных персонажей с регулярными государственными структурами автор обращает внимание на требующего осознания констатацию: «Знания уроженцев Кавказа были востребованы империей...» [Урушадзе 2014: 106]. По многолетнем изучении феномена фронтальной личности автор сформулировал важный для настоящего текста тезис. В своей недавней работе, обзрев исследования, посвященные истории местных уроженцев на русской службе в период Кавказской войны, Урушадзе делает важное наблюдение. Им обращается внимание на то, что «анализируемые в исследовательской литературе биографические и карьерные траектории офицеров-горцев уже стали каноническими...» «Поэтому, – справедливо отмечает он, – не меньший интерес для понимания места горцев на русской службе имеют другие – менее известные фигуры. Именно на их примере можно увидеть закрепляемые империей функциональные роли, наличие / отсутствие ментальных границ, восприятие имперской службы местными сообществами» [Урушадзе 2020: 131]. В частности, и из этого положения дел проистекает интенция к настоящей работе.

Ввиду того, что российское командование, планируя вторжение в центральную Кабарду, проявляло выраженную заинтересованность не просто в «лазутчиках», а в их особой разновидности, фигурирующей в источниках в качестве «проводников» и «(про)вожатых», предварительно рассмотрим факторы предопределившие подобные предпочтения.

Задолго до начала российско-черкесского противостояния имперские агенты проявляли повышенное внимание к выяснению ландшафтного фактора в обороноспособности Большой Кабарды. Здесь вспоминается дотошный расспрос, учиненный посланнику Большой Кабарды Мисост Магомету по следам разгрома крымских войск в Кабарде на переправе *Жырыцты* осенью 1731 г. В имперском внешнеполитическом ведомстве проявляли активную заинтересованность в выяснении вопроса о том, «В которой Кабарде больше земли и угодия и сеvu хлеба и протчему, и которая из оных положением места удобнее и крепче ко обороне от неприятелей, или способнее ко уходу скорому в горы или леса?» На что черкесский дипломат отвечал: «В Большой Кабарде земли и угодья к сеvu хлеба и протчаго гораздо Меньшей Кабарды более и лутче, и для обороны от неприятелей Большая Кабарда весьма крепче, понеже по обеим сторонам реки Баксана, по берегам, превысокия каменные горы, на которых и жилища свои они имеют по обеим сторонам реки Баксана. А за теми горами по обе стороны на низких местах поселены деревни, где подлой народ хлеб сеют. А во время неприятельского нападения ис тех деревень и подлой народ, оставя деревни, уходят в вышеписанные ж горы. А на те горы проезжих дорог на каждом берегу по одной, которыми по нужде в одну телегу проехать возможно; и никаким бы образом их неприятели достать не могли, ежели б у них пушки были» [Кабардино-русские отношения... Т. II. 1957: 61]. Если эта информация запрашивалась в видах выяснения военного потенциала очевидного и желанного противовеса Крымскому ханству на южных рубежах империи, то спустя полтора десятилетия, статский советник Бакунин проводил исследование возможностей Большой Кабарды в регионе с прицелом на вероятный военный конфликт с княжеством. «...Что они ис Кабарды яко из крепкого места выгты... и тем природную свою волю потерять... не похотят... а крымские и кубанские силы в Баксане и в Кашкатове повредить их были не в состоянии, разве продолжительною своею под Кабардою бытностию могут их не допустить в полях хлеб сеять и скот из гор выгонять. Но такое замедление и самим крымцом и кубанцом не дешево быть может» [Кабардино-русские отношения... Т. II. 1957: 161]. Собственно, и сами правители княжества вполне осознавали значение этого фактора в соображениях своей военной мощи. И уже в самом начале российско-черкесского противостояния, политики из Кабарды, адресуясь

к российской императрице, артикулировали тезис о том, «что мы такие места имеем аще нас господь бог сам не разобьет, то человеку разбить будет ника[к] невозможно» [АВПР. Ф. 115. Кабард. д. Оп. 115/2. 1762–1778. Д. 8. Л. 113]. Поэтому неудивительно, что через несколько лет, И. Гюльденштедт получил афронт после изъяснения своего намерения ознакомиться с ними. «Моему желанию подняться на Эльбрус (очевидно, что здесь речь идет о прилежащем к самому гиганту горном пространстве в бассейнах рек Баксан, Малка, Подкумок, Кума и Кубань. – Т.А.) воспротивились кабардинцы; он служит им прибежищем в случае, если им изменит военное счастье, поэтому они не хотят, чтобы это прибежище было открыто», – жаловался шпион [Гюльденштедт 2010: 245]. В новых условиях войны, наличие подобного естественного бастиона выступало лишь дополнительной (но не непреодолимой) преградой – только фактором, усложнявшим задачи вторгавшихся в Кабарду войск, так как очевидным образом «...раскинутая в подгорных равнинах... не имевшая с севера крепких рубежей, как Закубанье, Чечня и Дагестан, – [центральная] Кабарда, открытая и доступная...» [Потто 1904: 1] доставляла противнику явные выгоды. Экстремальный высотный градиент и относительно узкий лесной пояс, ограничивавшие «стратегическую глубину отступления» серьезно осложняли задачи длительной и устойчивой оборонительной войны. Эти обстоятельства, в свою очередь предопределяли заинтересованность российского командования в привлечении к своим операциям возможно большего числа «вожатых». И, действительно, несмотря на признания российских командиров о постоянной бдительности противника – о том, что черкесы окружают отряды «тонкою цепью своих наблюдательных пикетов» и стерегут каждый шаг войск, не допуская «скрытые движения» [Потто 1904: 43], нередко армейским инициативам сопутствовал успех. И если источники сообщали о том, что майор «Курило настолько умел скрыть движение колонны, что прошел это пространство никем незамеченный» [Потто 1904: 38], или в повествовании описывается как «действуя с необычайной энергиею, проникая в места, где никогда не бывали русские войска, Коцарев не выходил из гор...» [Потто 1904: 47], а также автор удивляется тому, что «Якубович... буквально по месяцам не сходил с коня и со своими сподвижниками, такими же отважными, как сам, – углублялся далеко в недра гор» [Потто 1904: 69] можно уверенно говорить о важной роли «проводников» / «вожатых» в этих акциях. И сам факт того, что в кампанию 1822 г. российские войска прошли ровно по тем двум, сто без малого лет до того считавшимся, практически непроходимым дорогам («Войска шли по обе стороны Баксана: Ермолов по правому, а Сталь по левому берегу») [Потто 1904: 54], говорит не только об удачной концентрации военной мощи, но и о учете российским командованием местных реалий. А о них лучше всех были осведомлены черкесы, которые «отлично знали все изгибы местности в своей родной стороне» [Потто 1904: 67]. Закономерно, что разглашение информации, относящейся к особенностям ландшафта страны со стороны отдельных их представителей, приводили к трагическим последствиям. В качестве иллюстрации подобного тезиса обратимся к следующему сюжету.

В ноябре 1822 г. некоторое количество черкесских семей, не желая оставаться на уже контролируемой российской стороной равнине «бежало» в горы. В. Потто следующим образом повествует о последующих событиях. «Далеко уйти они не могли и Коцарев решил воспользоваться предложением одного кабардинца, который вызвался указать место, где они находятся, но предупреждал, что надо будет идти кружным путем по таким местам, где никто никогда не ходил. Кабардинец этот был отъявленный вор и мошенник, как говорит сам Коцарев, но последний и эти качества хотел обратить в свою пользу. Отряд собран им налегке без артиллерии и 20-го ноября ночью тихо выступил из Нальчика к верховьям Чегема. Действительно, отряд пробирался по страшным трущобам. Густой лес и непрерывные топи задерживали движение отряда днем, а ночью путь шел по таким

опасным тропам, что конным нельзя было ехать. То поднимаясь на горы, то спускаясь в пропасти, люди до того измучились, что Коцарев вечером вынужден был остановиться для отдыха. Ночь наступила темная... Скоро отряд взобрался на какую-то скалу, висевшую над самим Чегемом. Отсюда видны были непрерывно сверкавшие внизу огоньки, но выстрелов не было слышно. С большим трудом войска сползли с этого гигантского утеса... На этот раз бежавшим кабардинцам спастись не удалось. Они были захвачены... врасплох и мужчины, вздумавшие сопротивляться, истреблены, а женщины и дети захвачены в плен» [Потто 1904: 67–68].

Как бы то ни было ко времени начала решительного натиска Ермолова на Кабарду в 1822 г. сложившаяся здесь структурная ситуация определенно стимулировала зримое проявление осуждаемой одной и, соответственно, поощряемой другой стороной конфликта, поведенческой стратегии. Комбинацию культурных, идейных, психологических и иных факторов, исподволь влиявших на личностную ориентацию и определявших решительный выбор стороны конфликта в экстремальных условиях эскалации военного конфликта сложно объяснить спонтанным порывом. Когорта людей, подвизавшаяся на поприще активного и заинтересованного взаимодействия с имперской администрацией, разумеется, в большинстве своем не могла в одночасье пойти на сопряженный со столькими издержками и прямым риском для жизни шаг. По всей видимости, в большинстве случаев, речь идет о наличии предварительных (и протяженных во времени) контактов и опыта взаимодействия с людьми и инстанциями, соотносимыми со структурой обратившей свою военную мощь на подавление политики, членами которой они к этому времени были. Т.е. уместно говорить о практиках, обеспечивавших инфраструктуру вовлечения в сотрудничество уже в экстремальных обстоятельствах военного противостояния.

Кейс уорка Кожоко Хажимета вполне удовлетворяет подобной гипотезе. Обращаясь к командиру Центра Кавказской линии Пирятинскому, происходящий «родом из кабардинцев принадлежащей фамилии» Хатокшоко, уорк Кожоко Хажимет сообщал, что предки его «имели пребывание свое в жительстве на казенных землях, принадлежащих российскому правительству, то есть Кавказской области, моздокского уезда в деревне Безорукиных (черкесское село на р. Кура. – Т.А.) [Кармов 2020: 23], а потом по распоряжению бывшего начальника Кавказской области генерал майора Дельпоццо, все жители произошедшие из кабардинцев переселены на землю кабардинского узденя Куденетова, на реке Курей[жей?] (Подкурок. –Т.А.), в аул называемый Кошев...» [УЦГА АС КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 11]. Согласно сообщению Кожоко, проживал он под российской юрисдикцией до начала ермоловского наступления. Последующий пассаж Кожоко весьма примечателен ввиду того, что позволяет понять, что им полностью осознавалось содержание происходивших событий. Им указывалось, что «продолжая пребывание наше до 1822 [г.] в означенном месте «русское правительство возымело намерение покорить Кабарду!» [УЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 11].

Четко понимая суть имперских усилий в отношении Большой Кабарды он столь же трезво оценивал свою роль в разворачивающихся событиях. Перечисляя свои деяния на новом поприще, Кожоко не подвергал сомнению, что адресат оценит их как безусловные заслуги перед российским престолом. Вспоминая 1822 г. он писал следующее: «Тогда дядя мой уздень прапорщик... [Бермамыт Темруко] и я во всех экспедициях бывших под личным начальством корпусного командира Господина генерала от инфантерии и кавалера Ермолова, начальника Кавказской области Генерал майора Сталя и артиллерии Коцарева, по всем местам Кабарды были вожатыми, а по приведении в повиновение кабардинских владельцев, также был вожатым предместнику Вашего Высокоблагородия полковнику Подпряткову, командированному по воле Высшей Власти для усмирения карачаевского народа; после же сего согласно распоряжения Г: Генерала от инфантерии Ермолова, вы

фамилии принадлежащие Кабарде пересели[ли] в свои жительство в том числе с семейством и я поселились на реке Баксан в ауле Кошевом...» [УЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 12]. Там он имел «жительство до 1829-го года». Однако все это время автор письма чувствовал давление социального окружения и обращал внимание своего адресата на то, что «будучи подозреваем кабардинцами в нелицемерной приверженности к российскому правительству, а болие в том, что я и означенный дядя мой прапорщик... [Бермамыт Темруко] во время действия в Кабарде Воиск были вожатыми убоаясь мущения их я с семейством свои... с разрешения начальника Кабарды покойнаго полковника Ушакова по билету выданному от него перешел на реку Куру в деревню Ростовановку, где и донине имею жительство...» [УЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 12].

При всей явной осознанности своего выбора и вытекавших из него действий, в словах Кожоко просматривается определенная внешняя детерминированность его поступков. Неоднократное упоминание своего дяди и нарочитое стремление ассоциироваться с ним в глазах российского командования позволяет предположить, что на подобную риторическую стратегию автор письма возлагал определенные надежды. И, действительно, ознакомление с источниками позволяет говорить, что в этом был свой резон потому как в контексте рассматриваемого вопроса Бермамыт Темруко предстает в них более фактурной фигурой.

Последний в 1828 г. обратился с «прошением» к командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу Г.А. Емануелю. Сходу, выказывая свои верноподданнические чувства, он сообщает: «При вступлении войск российских в 1822 году под начальством покойнаго полковника Кацарева в Кабарду, ждя наказания владельцев оной непокорных власти правительства, я был в числе первых из кабардинцов явившихся [к] русскому начальству и желая оказать преданность мою России сам вызвался полковнику Кацареву служить по мере способности и сил моих» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 1]. Скорее всего, уорк Бермамыт не лукавил и, возможно, выражение «ждя наказания владельцев» не было преувеличением. По крайней мере, в весьма специфическом тексте – «именном списке кабардинским узденям... с отметкой кто как себя ведет», т.е. реестре актуального на тот момент (больше)кабардинского «политикума» он отмечен особым образом. В документе, составленном в штабе генерал-майора Сталя 31 декабря 1821 г. только автор «прошения» характеризуется следующим образом: «Темрюка Бермамытов – отлично предан России» [Трансформация ...2017: 24]. На фоне того обстоятельства, что в документе фигурирует порядка четырехсот персоналий, большинство из которых квалифицируются как «разбойники» и «мошенники» такую аттестацию можно признать красноречивой. Транслируемая далее самопрезентация вполне согласуется с такой оценкой. Напоминая о своих свершениях Бермамыт, в частности, писал о том, как полковник Коцарев предложил ему «быть проводником к новым жилищам, кои и убрали некоторые кабардинские князья и узденья, чтоб укрыться в ущельях гор от наказаний за все сделанные ими грабительства в границах России» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 2].

«Я безпрекословно принял должность сию и исполнял ее по возможности и небезуспешно; за что по ходатайству покойнаго полковника Кацарева всемилоостивейше награжден офицерским чином», – артикулируя свою безукоризненную лояльность, продолжал Бермамыт. Однако награждался он не только статусом в имперской иерархии; его идейные побуждения легко сочетались и с более приземленными (что, впрочем, не противоречило его «идеологической», по классификации С.Хофмана, мотивированности) приобретениями. Показательно, что в расходной ведомости за январь-февраль 1822 г. отмечается, что Бермамыт Темруко «куплены новые сапоги к походу с подполковником Кацаревым» [УЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 108].

Подобный верноподданнический энтузиазм не мог долго оставаться незамеченным его соотечественниками, и, как можно судить, вскоре вызвал соответствующую

реакцию. «Между тем бунтовавшие кабардинцы в отмщение за приверженность мою к России сожгли дом мой, угнали за Кубань весь скот, баранов и лошадей мне принадлежащих», – жаловался на постигшую его судьбу Бермамыт. Далее, в попытке вызвать сочувствие адресата он впадает в укоризненную lamentацию: «Полковник Кацарев свидетельствуя пред начальством о слабых моих заслугах, не упустил довести и о потере мною всего имущества до сведения бывшего госп[одина] корпус[ного] команд[ира] ген[ерала] Ермолова. Его превосходительство объявляя свою признательность за труды понесенные мною при исполнении... должности объявил чрез переводчика капитана Дыдымова, что за все потерянные мною убытки прикажет он бывшему дивизионному начальнику покойному гене[рал]-май[ору] Сталю удовлетворить из отогнанного у непокорных кабардинцов скота, баранов и лошадей; равно и построит дом. Прошло уже 5 лет и я не имел ещё счастья получить даже части обещанного мне, а между тем семейство моё состоящее из семи душ обоего пола претерпевает крайний во всем недостаток...» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 2].

Предсказуемо, автор венчает описание своих злоключений просьбой «облегчить жалкое мое состояние, в которое ввергнула меня приверженность к России и пламенное желание быть сколько нибудь полезным ея Правительству...» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 2]. Однако, как можно судить, столь пылкие уверения в своей верноподданнической преданности оставили равнодушными его покровителей. Так, позднее, житель села Иналхабль Бермамыт Хажибекир обращался к имперским властям с напоминанием о том, что его отец Бермамыт Темруко, в 1822 г. «привел русские войска в Кабарду, за что в том же году ноября 22 дня Высочайше награжден чином прапорщика с производством жалованья... и получил на чин грамоту от ...Ермолова 24 февраля 1823 года» [УЦГА КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 257–258]. Сообщив далее, что «после услуги этой отец наш, будучи сильно гоним соотечественниками своими... должен был некоторое время скрываться вне Кабарды», по примеру своего родителя акцентирует внимание на его принципиальности, и, что «несмотря на это, отец наш сохранял преданность правительству и продолжал исполнять все возложенные на него поручения по долгу службы своей» [УЦГА КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 257–258]. Однако такая аргументация и в этот раз не возымела успеха. Согласно С.Н. Бейтуганову российское правительство, которое за особые заслуги некогда наградило земельным участком фамилию Бермамыт, отняло у нее те же самые земли на Эшкаконе и горе Бермамыт [Бейтуганов 1993: 102]. Символично, что Эшкаконская земля, некогда принадлежавшая Бермамыт, «поступила в надел собственности участка г. Майору Абдрахманову» известному в черкесской среде как Карахоко Фица. Учитывая, что по части причиненного зла народу ему не было равных, он как черкесский Эфиальт заслужил большего поощрения со стороны российского правительства, нежели заурядный ренегат Бермамыт Темруко.

В водоворот исторических потрясений 1822 г., как и в любой процесс социетального характера вовлекались представители всех сословий. Мы уже касались участия одного из князей Хатокшоко в боевых действиях в составе российских войск [Алоев 2019: 29–35]. Здесь же коснемся кейса члена тлехотлешского рода Тамби(й). Речь пойдет об одном представителе ветви этого рода – Ехшоко. В 1821 г. Тамби(й) Батырбек вместе, видимо, со старшим братом Девлетгирем, проживал в родовом селе из «40 домов» в вершинах реки Кенже. Российские агенты отзывались о них, как о людях, которые в «разбоях бывают» и вместе со своими сюзеренами из клана Мисост являются «великими мошенниками» [Трансформация...2017: 24]. Поэтому неудивительно, что молодой (на тот момент ему было около 22-х лет) аристократ оказался среди активных борцов с российским продвижением в стране. Об этом мы узнаем из его прошения командующему войсками на Кавказской линии генералу Эмануелю, последовавшего на излете

десятилетия. Ретроспективно ситуация, в которой он тогда оказался им был описан следующим образом: «[В]1821 году, когда все кабардинцы были отклонившись от подданства российского правительства, удалившись в горы в числе оных и я с братьями находился» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 478]. Возможно, участь некоторых из них стала серьезным поводом для переосмысления своего положения. Сначала, 25-го марта Коцарев «вошел в Чегемское ущелье и истребил аулы Тамбиева» [Потто 1904: 50]. Спустя менее месяца, 17 апреля 1822 г. тот же отряд ворвался в «аул Тамбиева, где человек 20 пеших горцев заперлись в сакле». На помощь казачьей сотне, первой атаковавшей село «поспешно прибыли еще две роты» пехоты [Потто 1904: 51]. Черкесам предложили сдаться, но они отвечали выстрелами. В.А. Потто не стал ретушировать итоги боя: «Тогда озлобленные солдаты ринулись на приступ. Капитан Красовский первый вскочил в выбитую дверь и пал на пороге, сраженный пулею; еще несколько солдат было ранено, но остальные ворвались и истребили всех без пощады; 18 трупов, вытащенных из сакли, были так обезображены, что мирные кабардинцы (возможно среди них были фигуранты настоящего текста. – Т.А.), бывшие в отряде, не могли узнать никого из них» [Потто 1904: 51].

Как бы то ни было, примерно в это время, «когда издал генерал Ермолов прокламацию что все те кои с раскаянием желают возвратится прощаются все их проступки; вышли мы из гор, – продолжил Тамби(й) Батырбек, и по его словам, – поселились на плоскости с своими подданными на прежние места с воли начальства» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. Таковых считали «изменниками народному делу», поэтому силы возглавляемые «первенствовавшим между мятежниками» – лидером разворачивавшегося хаджретского движения Бесланом Асланбеком «разделившись на части, грабила и била тех кабардинцев, которые переселялись на плоскость» [Потто 1904: 49–50]. Эти обстоятельства, вероятно и определили последовавший переход на сторону противника Тамби(й) Батырбека, который «оказывая свою усердную Службу полковнику Коцареву тогда для наказания возмутившихся кабардинцев тамо с войсками находившемуся неоднократно доставляли Ему случию в том, а когда сам генерал Ермолов [в] 1822 году был в Кабарде находясь в лице (?) тоже неоднократно оказывали свое усердие...» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. В подобных обстоятельствах проявление «усердия» трудно скрыть. Поэтому, как отмечал Тамби(й) Батырбек, спустя некоторое время, а именно в 1823 г. «беглые кабардинцы возимея на нашу фамилию негодование убили брата моего Ахгубека с одним нашим узденем и взяли в плен из подвластных наших трех мальчиков» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. Этим преследования не ограничились: «потом в разное время угнали до сто лошадей и рогатого скота» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. Однако, похоже, гонения со стороны соотечественников только подстегивали его усердие. Он писал: «... но мы за всем тем несмотря на наносимый нам убытки и угрозы своих соотечественников и единоверцов всегда пребывали верными долгу своему и данной нами присяге. Во время командования в Кабарде подполковника Булгакова поймав 6-ть человек скрывающихся в лесу беглых кабардинцев доставил ему в Нальчикское укрепление, потом еще отбив у таких же неприятелей семь лошадей с седлами доставил ему же» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. Подробности первого события отражены в другом источнике. Из него следует, что в начале апреля 1825 г. Тамби(й) Девлетгирей (как выше отмечено, старший брат Батырбека) «в собственном ауле задержал пять беглых кабардинских абреков» [Потто 1904: 209]. Один из них, Апанас Борей, судился еще прежде, был приговорен к ссылке, но, при препровождении в георгиевскую тюрьму, сумел бежать за Кубань. Двое других – Ашабоко Хусейн и Алакей Кукша «изобличались в неоднократном нападении на русския границы». Следующие: Алакей Картул и Даур Измаил обвинялись только в побеге [Потто 1904: 209]. Шестой подсудимый был Бат

Иналуко, «обвинявшийся в пристанодержательстве, так как в его доме задержаны абреки». Серьезных улик против последнего не было. «Хотя он и не сделал признания в укрывательстве шайки, и разбойники его в том не избличают, – писал о нем командовавший в [центральной] Кабарде войсками подполковник Булгаков, – но сие не может оправдать его, ибо к честному и доброму жителю разбойники прийти в дом не решатся» [Потто 1904: 209]. Прежде чем коснуться исхода этого инцидента уместно сделать промежуточные уточнения. Касаются они кажущихся расхождений в источниках о месте захвата и численности «разбойников». Вроде бы в первом случае речь шла о «скрывающихся в лесу беглых кабардинцах», а во втором источнике указан «на собственный аул» Тамби(й) Девлетгирея. Однако исходя из тогдашних обстоятельств, требовавших определенных мер предосторожности со стороны «абреков» и вероятного отсутствия у незнатного Бат Иналуко возможностей одновременного принятия пятерых гостей объяснимо, что не все они поселились в кунацкой. Скорее всего сначала были нейтрализованы гостевавшие в кунацкой. Только лишь после этого можно было обнаружить тех, кто оставался в лесу. Спустя несколько лет младший из братьев Тамби(й) обозначая место развязки, как бы дистанцировался от совершенного ими «в собственном ауле» бесчестия напав на гостей (хотя казалось адресовался он к инстанции не признававшей подобных категорий). О качествах Тамби(й) Батырбека, кажется свидетельствует и то, что он своего односельчанина Бат Иналуко приписал шестым к «беглым кабардинцам».

После того как «разбойники» были схвачены генерал Лисаневич приказал подвергнуть «всех телесному наказанию и сослать в Сибирь». Однако извещенный о случившемся Ермолов приказал Ашабоко Хусейна, Алакей Кукше и Апанас Борея забить «шпицрутенами до смерти». Последнего, к тому же было приказано «после того, в страх подобным злодеям, повесить на дереве». Остальных трех было решено «прогнав шпицрутенами через тысячу человек пять раз, сослать в сибирские рудники на работу» [Потто 1904: 209]. Не лишне заметить, что тогда Ермолов распорядился выразить Тамби(й) (вероятно, Девлетгирею) свою признательность «за похвальный его поступок» и обещал по прибытии в Кабарду наградить его приличным образом «за службу государю» [Потто 1904: 209]. Между тем в екатериноградской тюрьме, «где содержались арестанты, вспыхнул бунт, и, среди начавшейся сумятицы» Апанас Борей снова сумел бежать, а Бат Иналуко «был убит караульными солдатами» [Потто 1904: 210].

С возобновлением активных военных действий синхронно с российско-османской войной в 1828 г. Тамби(й) Батырбек продолжил свои старания: «... да сверх того теперь командующий в Кабарде подполковник Ушаков по направлению моему в нынешнем годе отбил у неприятеля 1000 баранов; за каковыя мною продолжаемая служба ненавидя меня беглыми и здесь находящиеся кабардинцы во время ограбления селению Незлобную поедено оными злодеями 240 баранов». В заключение письма Тамби(й) просился в формируемый Кавказский горский конный взвод [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479], что не было оставлено без внимания.

Вскоре он был зачислен оруженосцем в лейб-гвардии Кавказско-горского полускадрона (01.05.1828). Спустя полтора года произведен в юнкера (05.02.1830). По прошествии нескольких месяцев Тамби(й) Батырбек уже числится в офицерском чине корнета (29.07/29.11.1830). И в последующем российские власти не переставали поощрять проявлявшего благонадежность офицера. Так, он был при «Высочайшем путешествии по Кавказу в 1837 награжден единовременно 510 руб. ассигнациями» (15.12.1838) [Казаков 2017: 420]. К этому времени он чувствовал себя при новой власти настолько уверенным, что в том же 1838 г. принимает активное участие в развернувшихся дразгах между неоднократно продемонстрировавшим свою лояльность имперской администрации Шардан Якубом и эфенди

Шеретлоко на стороне последнего. По мнению начальника Центра Голицына, инициатором кампании против Шардана был эфенди «который решился отстранить во что бы то ни стало опасного соперника и, воспользовавшись отъездом его в Мекку, уговорил князя... [Хатокшоко], человека весьма ограниченного, и пронырливого корнета... [Тамби(й) Батырбека] собрать жалобы на... [Шардана], представляя его народу готовым в пользу русских допустить всякое отступление от закона Магомета и уничтожение древних прав в Кабарде» [Бейтуганов 2007: 202]. Сообщая о своем расследовании князь Голицын позднее докладывал вышестоящему начальству, что Шардан Якуб несправедливо стал объектом нападок недоброжелателей. А князь Хатокшоко Мисост, Тамби(й) Батырбек и народный эфендий Шеретлоко, «которые [были] причиною всех изветов, возведенных на обвиняемого, поняли, что жалобою своею на него имели целью ввести в заблуждение правительство» [Бейтуганов 2007: 204]. Но этот казус не отразился негативно на его карьерном продвижении. В 1840 г. Тамби(й) Батырбек становится членом Кабардинского временного суда и в 1843 г. «за отличие по службе» произведен в поручики 29.09.1843 [Казаков 2017: 423].

Упрочение положения в системе оккупационной администрации позволяло Тамби(й) Батырбеку продолжать усердствовать в интригах и злоупотреблять служебным положением. Так, весной 1844 г. к начальнику Центра Голицыну обратился уорк Шик Тликеч с просьбой о покровительстве и защите «в охранении от притеснения» со стороны Тамби(й) Батырбека и Агуой Жансоха, которые разными способами выводили из по его «повиновения» крестьян – шестерых братьев Казар. Шик Тликеч также сообщал: «А как помянутые г.г. начали теснить меня, то лишили уважения ко мне княгини... [Науруз Чабахан], которая до сего во всем меня хорошо уважала...» [Материалы... 1956: 101–102]. Здесь не совсем четко просматривается роль последней в обозначившейся коллизии. Очевидно только, что княгиня лишила уорка своего покровительства. Однако этот случай был не единственным, когда тройца – княгиня Науруз Чабахан, Тамби(й) Батырбек и Агуой Жансох фигурировала в судебных разбирательствах, основанием которых были имущественные споры. Так, в конце 1848 г. уорк Кудей Кара обращался с жалобой на княгиню Науруз Чабахан, эфенди Шеретлоко и члена кабардинского суда Тамби(й) Батырбека притязавших на его состояние. В документе фигурирует и вышеупомянутый, теперь уже прапорщик Агуой [Материалы... 1956: 282].

К этому времени уже третий год происходило производство по иску самой княгини Науруз Чабахан. В 1845 г. она обвинила «возвратившегося из-за Кубани» князя Мисост Алхаса в том, что он «завладел и похитил разновременно имение покойного отца ея» [Материалы по обычному праву кабардинцев 1956: 296]. По *хазэ* в Кабарде «претендатель должен доказать свидетелями, а если нет таковых, то ответчик должен оправдаться под присягою» [Материалы по обычному праву кабардинцев 1956: 31]. Княгиня Науруз Чабахан «в подтверждение иска за неоднократным требованием доказательства не представила и не высылала доверенного». Поэтому «дело в разбирательстве имело остановку» на пять лет. И лишь в 1850 г. «доверенный княгини», уже поручик Агуой Жансох «явился в присутствие» кабардинского временного суда. Он «противу упомянутого прошения объявил, что доверительница его» с князем Мисост Алхасом «по обоюдному между собою согласию дело это кончили и впредь о сем друг на друга претензии иметь не будут». Председателем суда был подполковник Тамби(й) Батырбек [Материалы по обычному праву кабардинцев 1956: 292]. Видимо, несмотря на пребывание Мисост Алхаса за Кубанью сотоварищам по изъятию имущества он оказался не по зубам. В целом выше отмеченная «пронырливость» характера Тамби(й) Батырбека подразумевала и расчетливость. А она подсказывала избыточность для него конфликтов с равными. Так, когда в 1846 г. из-за Кубани явился замирившийся в это время с русскими Кундет Девлетгирей по делам, связанным с разделом

имущества с братом Магометом Тамби(й) Батырбек вместе с Хатокшоко Хатокшуко ходатайствовали перед начальником Центра Хлюпиным о положительном разрешении его дела. В этой связи примечательно наблюдение российского начальника относительно мотивации ходатаев за Кундет Девлетгирея. Хлюпин отмечал, что если Хатокшоко покровительствует Кундету «как узденям им принадлежащим», то Тамби(й) Батырбек «ходатайствует более по наружности, из боязни, чтобы прямыми справедливыми действиями не возбудить мщения абрека с его сообщниками» [Материалы по обычному праву кабардинцев 1956: 205].

В такой пластичности характера российские власти, возможно, усматривали причину в «доверии к [его] благонамеренности». Во всяком случае он оставался в фаворе у российских властей. «В 1844 году был в депутации в С.-Петербург для принесения благодарности и празднования Всероссийского престола за пожалованное Кабардинскому народу знамя, где награжден чином штабс-ротмистра 1844 года февраля 22 и 50 червонцами» [Казаков 2017: 423]. В контексте этой инициативы российская администрация составила «именной список депутатам, отправленным в Санкт-Петербург по высочайшему соизволению с отметкою о мере преданности к Российскому правительству и качествах каждого из них». Автор текста характеризует Тамби(й) Батырбека в следующих выражениях: «Человек красноречивый и с большим влиянием в народе; состояние его довольно значительное и привычки по домашнему быту совершенно сходные с европейскими, служат достаточным ручательством неизменной его верности. Ему, конечно, будет поручено прочими членами депутации вести речь, почему я считал бы нужным предупредить его особо по прибытии в С.-Петербург о форме, к которой она должна быть изложена; это польстит его самолюбию и послужит к снисканию милостивого приема депутации Его императорским Величеством» [УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 252. Л. 14–15]. Вероятно авторы аттестации не ошиблись в своем подопечном. В последующие десятилетия Тамби(й) Батырбек неизменно поощрялся, награждался и повышался в званиях. Последнее из них последовало 25 апреля 1864 г. Тогда полковник Тамби(й) Батырбек за отлично усердную службу награжден орденом св. Станислава 2-й ст. с Императорскою короною [Казаков 2017: 423].

В отличие от попавшего в слепую зону к предательству тлекотлешскому отпрыску, мелкому «узденю» Паче Хаджи Индрису пришлось испить горькую чашу парии и отщепенца. Позволим себе развернутую цитату из прошения последнего к исполняющему обязанности начальника Центра Голицыну от 15 января 1843 года. Он писал: «В 1821 году, бывший корпусный командир генерал Ермолов, с отрядом Российских войск, вступя в Кабарду для усмирения волнующагося народа (речь идет о 1822-м г. – Т.А.), повстретилось ему необходимая надобность иметь знающаго все дороги кабардинского вместилища лазутчиком и вожаком по всем возможным ущельям; как народ кабардинский бросив низменные места, поселился в самых неприступных горах [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 4об] а как до пред сего имел я сношения с бывшим в это время при отряде переводчиком капитаном Василием Дыдымовым: – он вызвал меня к себе, будучи расположенным близ Екатериноградскаго карантина начально представил меня Его Высокопревосходительству Генералу Ермолову, далее Полковнику Подпряткову и Артиллерии Полковнику Коцареву, быв обласкан всеми ими и подведен к присяге на верность подданства к престолу Царя Русскаго, оставил при отряде Волонтером: с этого времени начал оказывать я непоколебимую преданность Правительству и исполнял при опаснейших обстоятельствах все приказания начальства в самой точности, узнавал среди родины своей тайные замыслы неблаговидные для Правительства, о чем заблаговременно предостерегал кордонных начальников, таким образом быв Агентом, мог доставить все средства Русскому отряду на покорение народа Кабардинскаго...» Несмотря на патетическую интонацию и заискивающе-сервильный стиль представляется, что Паче не преувеличивал. В ходе одного из

рейдов российских войск вглубь Кабарды у его родственников (по жене) «отогнан был» конный табун. Обратившемуся по этому поводу к своим покровителям Паче не было отказано – по его словам «уважая мои заслуги, возвращено мне 500 лошадей, в числе коих с таврами их было только двести, а триста лошадей под таврами принадлежали разным владельцам...» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 4об].

Завершая свое «покорнейшее прошение» Паче обращал внимание на то, что «не избег на целую жизнь... врагов из соотечественников» вследствие чего, по его словам достиг он «крайнего угнетения, что видно из следующих обстоятельств». Даже не вдаваясь в их детали становится очевидным, что проситель был стигматизирован социальным окружением и претерпевал драматичные удары судьбы. Следуя его повествованию, представим обстоятельства, к которым они сводились. Выдвигая претензии к соотечественникам он писал об «отнятии насильственно» от него «законной жены» за которую в свое время был уплачен калым в 230 рублей серебром. Это стало возможным в результате сговора его тестя Дышек Хажы, «народного эфендия» Шеретлоко Хажы Умара и «двух подложных свидетелей» уорков Кудей Исхака и Мысхако Исхака [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 5об]. Затем, «лишась жены» явился он «под защиту первостепенного узденя» Анзора Хату. Поселившись в его селе Паче женился «на вдове старой женщины» из уоркского рода Сох. Далее, искатель справедливости жаловался, что «в небытность мою дома, благодетельные [Анзор] внушив ее родным, что я намерен брать другую молодую жену, приведя тем в огорчение, они сделавши набег на дом мой, взяли ее и денег 4 полуимперяла, моего холопа и одну кобылицу, пару волов и все имущество, по приезде же я дознал о несчастном происшествии» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об]. В связи с этим он попытался «разубедить» своих родственников в отсутствии заподозренных в его отношении умыслов. Паче «дал подписку и поручителей до смерти иметь ее женою, и не брать другую». Однако они не приняли эти попытки во внимание. Паче было объявлено, что род Сох «не менее» (в сословной иерархии) чем уорки Дышек. Поэтому ему было сказано, что когда последние «возвратят отобранную от Вас жену Вам, тогда и мы возвратим и эту старуху» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об].

Это обстоятельство, видимо, повлияло на его решение в очередной раз сменить место жительства. Получив приглашение от Анзор Пшемахо Паче переселился в его село. Он подчеркивал, что новый «сюзерен» клятвенно заверял предоставить ему «законного покровительства». Также было указано на другое обещание, полученное от него: «... приказав пустить в его конный табун моих лошадей с тем, условием если случится пропажа или кем похищено, будет из его табуна, то сделать мне удовлетворение из своих лошадей». Поэтому последовавшие события не могли не разочаровать его; он сообщал, что «... в непродолжительном времени пропало из его табуна моих 4 лошади, спустя 15 дней, еще 3 кобылицы, потом и один бык, о чем тогда же я говорил ему [Анзору Пшемахо], что лошадей моих Вы обещались [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 7] соблюдать в целости, а в случаях пропажи ответственность; но он отвадя меня разными изворотами, уверял, что пропавшие лошади найдутся...» Злоключения незадачливого кверулянта на этом не закончились. Российскому начальнику в Нальчике он сообщал: «... я будучи обеспеченным (т.е. будучи заверенным. – Т.А.) они избрали случай совершенно привести меня в крайнее разорение и выкрали у меня из домашнего моего база 46 лошадей». Сначала Паче обвинил в этом Анзор Пшемахо и уорков Дышек и Сох [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 7]. Затем он поменял свое мнение и подал прошение с просьбой «найти виновного в покраже у меня 46 кобылиц узденями ... [Анзор Магометмирзой и Асламурзой]... которая ссылаясь один на другаго в воровстве означенных кабыл и по сие время неузнано кто именно из них украл моих лошадей...» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 18]. В последствии его положение, видимо, только усугублялось: к означенным обидчикам вскоре присоединились князья Мисост Алхас, Кази(й) Бекмурза, уорки Мартаза (имя не

упомянуто. – Т.А.), Уодах Карамурза, «вольный кабардинец» Бешкок Ильяс. Паче, в очередной раз доводил до российского начальства, что последние «отобрали у него... 10-ть лошадей и три рогатая скотины, за что он переселился в Вольный аул» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 13]. К моменту, когда Паче все-таки добился от генерал-майора Пирятинского санкции на официальное разбирательство в кабардинском временном суде он уже оказался в социальной изоляции. Когда заседатели суда обозначили готовность приступить «к разбирательству дела сего, и от... [Паче] требовались свидетели, но как он их ни доставил, то в прозбе ему отказано» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 24]. Оставшийся в одиночестве Паче объяснял свою изоляцию тем, что «когда суд требовал от него свидетелей, – генерал-майору Пирятинскому был он напрасно обговорен, имея из соотечественников врагов зато, что при покорении кабардинцев был лазутчиком и проводником». В итоге его инициатива обернулась против него же: «Не имея никакого из кабардинцев, кто бы за него мог оправдать его в невинности, он сам не смел явиться в крепость боясь посажения на гоубвахту...» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 24]. Травмирующие эпизоды в биографии Паче Хажи Индриса этим не исчерпываются. После его переселения в Вольный аул он стал там муллой. Однако спустя некоторое время его жители выступили против него. Они «составили между собою против... [Паче] заговор и взяли один с другого присягу не ходить с... [Паче] в мечеть, не давать положенного сбора и не допускать его ни к какому разбирательству и вовсе выгнать его из аула» [Бейтуганов 2007: 297]. Для немолодого к этому времени человека, такие потрясения, видимо, были особенно болезненны.

Представленные кейсы далеко не исчерпывают потенциал просопографического взгляда на затронутое в тексте социальное явление. Однако и их ограниченного содержания достаточно чтобы наметить ряд промежуточных итогов в обозначенном исследовательском направлении.

Отслеживая обстоятельства, при которых источники начинают фиксировать круг лиц, проявивших устойчивую заинтересованность в деятельном сотрудничестве с имперским командованием оправданно оттолкнуться от идеи того, что военная эскалация 1822 г. в Кабарде обусловила структурную ситуацию стимулировавшую проявление подобной поведенческой стратегии среди части местного населения. Вместе с тем важно подчеркнуть (и это отражается на примере трех из четырех фигурантов текста), что предпосылки решительного выбора стороны конфликта в экстремальных условиях эскалации военного конфликта были заложены в биографии тех из персонажей за плечами которых был опыт (разной степени длительности и плотности) вовлечения в каналы взаимодействия с инстанциями и представителями имперской агентивности.

Некоторые параметры затронутого предмета не способствуют широким обобщениям (и уж, по крайней мере, они представляются преждевременными). Однако ознакомление с источниковой базой, в преобладающей степени состоящей из риторических стратегий самих протагонистов настоящего текста, позволяет прояснить некоторые характеристики их индивидуальных установок. Из содержания проанализированных источников следует, что люди, решившиеся на сопряженные с многочисленными издержками и прямым риском для жизни шаг смены политической лояльности, в последующем (на протяжении десятилетий) проявляли устойчивую приверженность в отношении имперской власти. Она демонстрируется ими невзирая на неоднократные нападки, стигматизацию и отчуждающие практики со стороны социального окружения.

Список источников

Алов 2019 – Алов Т.Х. Герой VICE VERSA: не совладавший с предназначением // Вестник КБИГИ. 2019. № 4-1 (43). С. 29–35.

- АВПРИ – Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 115. Кабард. д. Оп. 115/2. 1762–1778. Д. 8. Л. 113.
- Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик: Эльбрус, 1993. 301 с.
- Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 783 с.
- Гюльденштедт 2010 – *Гюльденштедт И.-А.* Путешествие по России и Кавказским горам // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. С. 245.
- КРО 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. 424 с.
- Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. Нальчик: Эльбрус, 2017. С. 420. (706 с).
- Кармов 2020 – *Кармов Р.К.* Неопубликованная рукопись П.Г. Буткова по истории Кабарды (1769–1835) // БЛИКИ. Нальчик, 2020. 209 с.
- Материалы... 1956 – Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Собрал и подготовил к печати Б.А.Гарданов. Нальчик, 1956. 428 с.
- Паштова 2014 – *Паштова М.М.* Кавказская война в «классических» формах фольклора и современном социокультурном дискурсе черкесской диаспоры // Кавказская война: событие, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик, 15–19 окт. 2014 г.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. С. 155–165.
- Потто 1904 – *Потто В.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. 590 с.
- РГВИА – Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 1.
- Трансформация 2017 – Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках 1732–1892. Серия «Быт, личности, история Кавказа в источниках». Вып. 6 / сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт Центр, 2017. 204 с.
- Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 160. (333 с.).
- Урушадзе 2014 – *Урушадзе А.Т.* Генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. 100–110 с.
- Урушадзе 2020 – *Урушадзе А.Т.* Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 4. 127–151 с.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного архива Архивной службы КБР Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43 (ЦГА КБР). Л. 11.

References

- ALOEV T.H. *Geroi VICE VERSA: ne sovladvshii s prednaznacheniem* [Hero of VICE VERSA: unable to cope with the mission] // Vestnik KBIGI. 2019. № 4-1 (43). P. 29–35. (In Russian)
- Arhiv Vneshnei politiki Rossiiskoi imperii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 115. Kabard. d. Op. 115/2. 1762–1778. D. 8. L. 113. (In Russian)
- BEITUGANOV S.N. *Kabarda i Ermolov* [Kabarda and Yermolov]. Nalchik: Elbrus, 1993. 301 p. (In Russian)
- BEITUGANOV S.N. *Kabarda: istoriya i familii* [Kabarda: history and surnames]. Nalchik: Elbrus, 2007. 783 p. (In Russian)
- GYULDENSHTEDT I.-A. *Puteshestvie po Rossii i Kavkazskim goram* [Journey through Russia and the Caucasus Mountains] // IN: Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vekov / sost. V. Atalikov. Nalchik, 2010. P. 245. (In Russian)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries]. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. Т. II. М., 1957. 424 p. (In Russian)
- KAZAKOV A.V. *Cherkesi na rossiiskoi gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe* [Circassians in the Russian state and military service]. Nalchik: Elbrus, 2017. 706 p. (In Russian)
- KARMOV R.K. *Neopublikovannaya rukopis P.G. Butkova po istorii Kabardi (1769–1835)* [Unpublished manuscript of P. G. Butkov on the history of Kabarda (1769–1835)] // IN: BЛИКИ. Nalchik, 2020. 209 p. (In Russian)

Materiali po obichnomu pravu kabardincev. Pervaya polovina XIX v. [Materials on customary law of Kabardians. First half of the 19-th century]. Sobral i podgotovil k pechati B.A. Gardanov. Nalchik, 1956. 428 p. (In Russian)

PASHTOVA M.M. *Kavkazskaya voina v «klassicheskikh» formah folkloro i sovremennom sociokulturnom diskurse cherkesskoi diaspori* [Caucasian war in the “classical” forms of folklore and modern socio-cultural discourse of the Circassian diaspora]. IN: // *Kavkazskaya voina: sobitie, fakti, uroki. Materiali mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii* (g. Nalchik, 15–19 okt. 2014 g.). Nalchik: Izdatelskii otdel KBIGI, 2014. P. 155–165. (In Russian)

POTTO V. *Utverzhdenie russkogo vladichestva na Kavkaze* [The assertion of Russian rule in the Caucasus]. T. III. Part 2. Tiflis, 1904. S. 1. (590 s). (In Russian)

Rossiiskii Gosudarstvennii voenno-istoricheskii arhiv [Russian State Military Historical Archive]. F. 13454. Op. 2. D. 80. L. 1. (In Russian)

Transformaciya obsh'estvenno-politicheskogo ustroistva narodov Centralnogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikah 1732–1892 [Transformation of the socio-political structure of the peoples of the Central and Western Caucasus in the sources of 1732–1892]. Seriya «Bit, lichnosti, istoriya Kavkaza v istochnikah». Vip. 6 / sost. R.K. Karmov. Nalchik: Print Centr. 2017. 204 p. (In Russian)

HAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. Nalchik, 1978. 333 p. (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Genезis frontirnih identichnostei v epohu Kavkazskoi voini* [The genesis of frontier identities in the era of the Caucasian War] // IN: *Nauchnaya misl Kavkaza*. 2014. № 4. P. 100–106. (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Gorec na russkoi sluzhbe v godi Kavkazskoi voini (1801–1864 gg.): posrednik, marginal, predatel* [Highlander in the Russian service during the Caucasian War (1801–1864): intermediary, outcast, traitor] // IN: *Zhurnal frontirnih issledovani*. 2020. № 4. P. 127–151. (In Russian)

Upravlenie Centralnogo Gosudarstvennogo arhiva Arhivnoi sluzhbi KBR Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. I–1. Op. 1. D. 43 (CGA KBR). L. 1. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Aloev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 04.11.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 04.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 16.12.2022.